Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем (2)

Тут срежаицьсе Илья Муромец во цисто полё,
И во цисто полё, да во роздольицо
И от своей же он да молодой жоны,
Молодой жоны — да от Златыгодки.
Она жила-пожила Златыгодка несколько времени,
И стала ставать она беременна.
И родилосе да цядо милоё,
Из милых-то цядышко милоё,
Из любимых-то цядышко любимоё.
И собиралисе да пóпы-дьяконы.
Они не знают, ёму дать да како имецько;
Они стали намекать: «Нать дать Сокольницком-наезницком»;
И они дали ёму имецько Сокольницком-наезницком.
И тут ростёт Сокольницок-наезницок:
Не по годам ростёт — да по цесам ведь он,
Не по цесам ростёт он — по минутоцкам.
И тут рос тут Сокольницок мало времени.
И тут пошол тут Сокольницок на улицю
И он с малыма робятами шаром играть.
И всё стали на Сокольницка судацыти:
«И какого он хватит — дак руку оторвёт;
И какого он хватит — дак и ногу оторвёт;
И у какого он хватит — дак голову сверьнёт!..»
И тут не стало с Сокольницком постоя́телей.
И он просит у маменьки бласловленьиця:
«Уж ты дай мне-ка, маменька, бласловленьиця,
И бласловленьиця — да как добра коня:
И мне сходить, как съездить во цисто полё,
Мне-ка сильных-то богатырей посмотретиньки
И самому мне-ка собе да показатеньки,
Мне-ка сильню-ту силоцку поспроведати!»
И говорит ему родима да жалка мамушка:
«Уж ты ой еси, дитятко, у мня малёхонько;

Уж ты ой еси, серьдесьнё, да как глупёхонько!» —
«Уж ты дашь, родима мамушка, бласловленьицо,
Уж ты дашь — я пое́ду, и́ не да́шь — поеду!»
И она думала да как подумала:
«Ище цем не дать — да, видно, надоть дать:
И ты поедёшь, моё дитятко, да во цисто полё;
На того, моё дитятко, не нахаживай
И на того, моё сердесьнё, да не наежживай —
У которого конь-от бел, да наубел он бел,
У ёго хвост-от, грива да наусив-сива,
Наусив-от сива!.. Да голова седа,
И голова-та седа, да борода бела!»
Тут садилса Сокольницок на добра коня,
И тут поехал Сокольницок во цисто полё.
И скольки много богатырей собиралосе —
И не могли они с Сокольницьком состоетиньки.
И приежджали ти богатыри к Ильи Муромцю:
«Уж ты ой еси, да Илья Муромец!
И како-то мальцишко да похвалеицсэ —
И нехто не могли да состоетиньки!»
И поехал сам да Илья Муромец:
«И како́ эко́ мальцишко, ты похвалеиссе?»
А заредил тут Сокольницок луцок ды стрелоцку —
Он попал Ильи Муромьцю-ту в правой глаз,
Он выстрелил у Ильи Муромьця правый глаз.
Они сходились-сьежджались да на крутой горы;
Они копьеми кололись ды и ру́жьями стрелелись —
Они некак не могли друг дружки да победитиньки.
Ста́ли до́брыма реце́ми да розгова́рывать.
И говорил Илья Муромец таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
Из какого ты города, какой земли?
Уж ты цьёго же да оцьця-матери?» —
«А я из того же ведь города из Киёва,
Я из той же земли да как из Киёва,
Я от той же вдовы да от Златыгодки!» —
«Уж ты мне-ка сын, да я тобе родной отец!»
И тут падал Сокольницок Ильи Мурамцу,
Он падал Ильи Муромцу во праву ногу:

«Уж ты прости меня, татенька, виноватого:
Нагонула мне-ка маменька — да не сказала же!»
И тут садились они да на добрых коней
И поехали да во свою землю,
Во свою землю — да как ко Киёву,
И ко той же вдовы да ко Златыгодки.

(Зап. А. Д. Григорьевым 31 июля 1901 г.: д. А́заполё — от Фо́фановой Марьи Григорьевны, 29 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.